

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. Акмуллы

УДК 930.26
ББК 63.442.6(235.55)
У 68

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Башкирского государственного педагогического университета*

УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ В ЭПОХУ БРОНЗОВОГО ВЕКА

*Сборник статей посвященный 60-летию
Владимира Степановича Горбунова*

Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века: сборник статей посвященный 60-летию Владимира Степановича Горбунова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – 236с.

Настоящий сборник статей посвящен 60-летию доктора исторических наук, профессора В.С.Горбунова – одного из известных археологов Урало-Поволжского региона и ведущих специалистов в области изучения бронзового века Восточной Европы.

Сборник состоит из статей и публикаций новых материалов, представленных друзьями-коллегами и учениками В.С.Горбунова, живущими и работающими в Уфе и других городах России. В них затрагиваются различные аспекты истории и историографии населения бронзового века Урало-Поволжья, приводятся новые данные по материальной и духовной культуре племен, составлявших этнокультурную карту региона.

Редакция:

Г.Т. Обыденнова, д-р ист. н. (ответств. ред.);
В.А. Иванов, д-р ист. н.;
Н.Б. Щербаков, канд. ист. н.;
Г.Н. Гарустович, канд. ист. н.;
Н.С. Савельев, канд. ист. н.

Уфа 2006

ISBN 5-87978-304-9

© Издательство БГПУ, 2006

Синицын И.В. Археологические памятники у с. Пролейки / И.В.Синицын // Учёные записки Саратовского Государственного Университета. Т. XLVII, 1956.

Скарбовенко В.А. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника / В.А.Скарбовенко // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья / Э.И.Соломоник.- Киев, 1959.

Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал. / В.С.Стоколос, Г.И.Стоколос // Вестник ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. Челябинск. № 2, 2004.

Топоров В.Н. Геометрические знаки / В.Н.Топоров // Мифы народов мира. М., 1998. Т. I.

Топоров В.Н. Мифология / В.Н.Топоров // Мифы народов мира. М., 1998. Т. I.

Топоров В.Н. Письмена / В.Н.Топоров // Мифы народов мира. М., 1998. Т. II.

Формозов А.А. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности / А.А.Формозов // ВДИ. № 2, 1963.

Формозов А.А., Отрощенко В.В. К проблеме письменности у племён Северного Причерноморья в эпоху раннего металла / А.А.Формозов, В.В.Отрощенко // Studia Prachis-torika.Sofia. т. 9, 1988.

Фридрих И. О развитии письма и его типах / И.Фридрих // История письма / пер. Г.М.Бауэра, И.М. Дунаевской. М., 2002.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М.Фуко / пер. Н.С. Автономовой. М., 1977.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В.Цимиданов.- Донецк, 2004.

Чудинов В.А. Астрономически-ритуальная интерпретация рисунка-надписи из Каменной Могилы / В.А.Чудинов // Археoaстрономия: проблемы становления. Тез. – М., 1996.

Чудинов В.А. Загадки славянской письменности / В.А.Чудинов.- М., 2002.

Чудинов В.А. Тайные руны древней Руси / В.А.Чудинов.- М., 2005.

Шилов Ю.А. Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана № 1 у с. Староселье / Ю.А.Шилов // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении / М.Элиаде.- М., 2000.

Р.А. Литвиненко (г.Донецк)

Культурные области Бабино и Синташты: к проблеме хронологического соотношения

Бабинская и Синташтинская культуры являются сравнительно «молодыми» в номенклатуре археологических дефиниций эпохи бронзы евразийского степного пояса. Выделение и обоснование их приходится в основном на 60-90-е годы прошедшего века. Уже со второй половины 70-х годов, когда собственно синташтинский тип памятников еще не выделялся, а подобного рода памятники относились к новокумакскому хронологическому горизонту, исследователи обратили внимание на значительное сходство двух культурных образований, удаленных друг от друга более чем на тысячу километров. Отмеченная близость проявлялась, в первую очередь, при сопоставлении керамической посуды, особенно на уровне орнамента, из которого особо выделялись композиции, выполненные налепными валиками и шишечками (Генинг, 1975. С.95; Смирнов, Кузьмина, 1977. С.27, 29). Заметим, однако, что для иллюстрации бабинской посуды (КМК) авторы в большинстве случаев приводили керамику с многоваликовым декором из комплексов среднедонской катакомбной культуры, кото-

рые в те годы некоторые исследователи относили к КМК (Смирнов, Кузьмина, 1977. С.28-31, рис.9). Указанные параллели в керамике позволили сделать вывод о синхронности новокумакского горизонта с КМК и далее предположить влияние последней на культурогенетические процессы в Приуралье (Смирнов, Кузьмина, 1977. С.26-27, 32, 42).

Рассматривая хронологическое соотношение бабинской культуры (КМК) с памятниками новокумакского горизонта С.С. Березанская указала множество параллелей в устройстве погребальных сооружений и обряде сравниваемых культур, выделила ряд общих для Синташты и КМК изделий из камня, кости, металла и керамику. На основании значительного сходства КМК с памятниками типа Синташта, Новый Кумак, Петровка, С.С. Березанская сделала вывод об их культурной близости и предложила выделить названные группы, вместе с абашевской культурой, в единый предсрубный горизонт на территории от Днестра до Урала, подчеркнув при этом возможность абсолютной синхронизации указанных памятников (Березанская, 1986. С.37, 39).

Накопление новых материалов как в Приуралье, так и Поволжье, подтвердило правомерность выделения на широком ареале евразийской степи и лесостепи посткатакомбного хронологического горизонта, являющегося одновременно предсрубно-алакульским горизонтом, в рамках которого объединялись памятники бабинской, доно-волжской абашевской (ДВАК), синташтинской, петровской культур, потаповского и покровского типов (Малов 1992. С.12; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. С.74-88; Кузьмина, 1994. С.171-186; и др.). Дальнейшие исследования показали, что включаемые в выделенный хронологический горизонт памятники не являются абсолютно одновременными между собой и должны быть разделены, по крайней мере, на две последовательные фазы. К более ранней обычно относят памятники синташтинского и потаповского типов, раннего этапа ДВАК и раннего этапа Бабино, а к поздней – памятники петровской культуры, покровского типа, поздней ДВАК и поздней бабинской (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. С.77,78,92-93; Виноградов, 1995; 1999; Епимахов 1998; Отрощенко, 1998; Ткачев 1998; 2003; и др.) Впрочем, следует оговориться, что с подобным делением согласны далеко не все исследователи, а у ряда авторов указанная хронологическая схема отличается своими особенностями.

Оценивая нынешнее состояние и направление исследований культур переходного от средней к поздней бронзе периода, можно заметить, что одной из закономерных тенденций в их изучении является углубление разработок по вопросам хронологии, в том числе хронологического соотношения между собой выделенных культур и культурных типов. Постановка этих вопросов стала возможной в результате внутреннего хронологического членения отдельных культур и создания их периодизаций, основанных главным образом на материалах могильников. Однако разработки в этом направлении для каждого региона или культуры продвинулись далеко не одинаково. Пожалуй, наибольшие успехи пока достигнуты в периодизации бабинской культуры, чему, видимо, способствовали два фактора: 1) сравнительно более раннее выделение культуры; 2) наличие многочисленных стратифицированных курганных могильников, имею-

щих первостепенное значение для хронологических построений. Так, региональные схемы периодизации бабинской культуры включают от двух до четырех этапов, выделенных на основании сравнительно-стратиграфического метода (Ковалева, 1981; Писларий, 1983; Дубовская, 1985; Шарафутдинова, 1987; Савва, 1992; Литвиненко, 2002).

Отсутствие или дефицит стратиграфических наблюдений в Доно-Волго-Уралье затрудняет создание аналогичных периодизаций и в большинстве случаев оставляет для исследователей лишь традиционный сравнительно-типологический метод, поскольку методы точного абсолютного датирования пока также не в состоянии решать поставленные задачи. Вместе с тем, в литературе, например, уже давно существует представление о ДВАК как прошедшей в своем развитии от двух до трех, а то и четырех этапов (Пряхин, 1977. С.99-100; Пряхин, Беседин, 1996. С.49-50; Малов, 1992. С.14; Кузьмина, 1992. С.75). Трехэтапная периодизация предложена для петровской культуры (Зданович, 1988. С.167, табл.9). В последние годы все чаще высказывается мнение о хронологической протяженности Синташты и Потаповки, для которых выделяют от двух (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. С.93; Ткачев, 1999) до трех (Григорьев, 1999. С.109) этапов или горизонтов.

Наряду с этим, имеющиеся схемы внутренней периодизации остаются почти незадействованными при разработке вопросов относительной хронологии на межкультурном и межрегиональном уровнях, где исследователи по-прежнему оперируют более широкими временными диапазонами, как будто не допуская мысли и возможной, пусть даже незначительной, асинхронности процессов смены культур и культурных трансформаций в различных регионах. Видимо, здесь свою роль сыграла обоснованная В.С. Бочкаревым и ставшая весьма популярной концепция о развитии и смене археологических культур в рамках культурных блоков (Бочкарев 1993; и др.). Разумеется, если речь идет о явлениях, происходящих в рамках заведомо единого процесса, например культурогенеза, вызванного импульсом первичного южноуральского очага, то разрыв во времени между этими явлениями на соседних территориях вряд ли будет значительным. Но этот незначительный разрыв вполне допустим, скорее всего, даже закономерен, поскольку распространение новаций в пространстве, независимо от способа распространения, как и само понятие пространства, сопряжено с понятием времени. Впрочем, этот теоретический разрыв может быть столь незначительным, что его трудно будет уловить на археологическом уровне, учитывая «разрешающую способность» хронологии развитой бронзы и уровень современных разработок в этой области.

На заре открытия южноуральского феномена, определявшегося тогда «новокумакским хронологическим горизонтом», проявившееся сходство между памятниками этого горизонта с позднекатакомбными и бабинскими (КМК) объяснялось влиянием последних на Приуралье (Смирнов, Кузьмина, 1977. С.27, 32). После обоснования в начале 1990-х годов концепции о Волго-Уральском (Бочкарев, 1991; 1995), а затем Южноуральском (Отрошенко, 1996) и Синташтинском (Зданович, Малютин, 1996) очаге культурогенеза, явление сходства между Синташтой и Бабино некоторые учёные стали объяснять с диа-

метрально противоположных позиций. В соответствии с новым подходом, корень сходства заключается в некоторой взаимосвязи происхождения обеих культур, а именно в сложении Бабино под воздействием в западном направлении Южноуральского очага культурогенеза (Отрошенко, 1996. С.30; 1998, 56). Такое допущение, закономерно, влечет за собой вывод о некотором хронологическом приоритете Синташты по отношению к Бабино, впрочем, как и по отношению к ДВАК, которая синхронизируется с Бабино (Отрошенко, 1998. С.56). Заметим, что далеко не все авторы столь категоричны в решении вопроса о хронологическом соотношении Бабино с Синташтой. Например, некоторые археологи с различной степенью убежденности и детализации говорят о параллельном процессе сложения обеих культур в результате распада катакомбной культурно-исторической общности (Виноградов, 1999. С.64-65; Епимахов, 2002. С.24, 77) или в результате импульса, созданного обратной западной волной (принцип сжатой демографической пружины) от экспансии племен катакомбной культуры в Карпато-Балкано-Дунайский регион (Черняков, 1996. С.63; Епимахов, 2002. С.74). Однако последний вариант культурогенеза, учитывая направление импульса, предполагает некоторый хронологический приоритет западных культур по отношению к восточным. Не буду останавливаться на гипотезе о роли Балкано-Дунайского очага культурогенеза в становлении культур переходного от средней к поздней бронзе периода в Юго-Восточной Европе и на Южном Урале (Черняков, 1996), поскольку даже на теоретическом уровне она вызывает множество вопросов и возражений, а главное – не находит пока убедительных подтверждений в археологическом материале. Гораздо важнее проанализировать основания все чаще озвучиваемой гипотезы о роли Южноуральского очага культурогенеза в сложении феномена Бабино. Впрочем, развернутой аргументации её до сих пор никто не приводил. По свидетельству В.В. Отрошенко, все началось в начале 1990-х годов на научном семинаре с высказанной В.С. Бочкаревым мысли о необходимости рассматривать бабинскую культуру в системе памятников Волго-Уральского очага культурогенеза. Это осторожное предположение В.В. Отрошенко использовал уже в качестве «дополнительного аргумента в пользу того, что памятники синташтинской культуры не могут датироваться позже ранних комплексов КМК» (Отрошенко, 1994. С.41). Однако логика смоделированного механизма культурогенеза подразумевала не просто синхронность, но даже более ранний возраст Синташты по отношению к возникшей под её влиянием культуре Бабино. И, как было показано выше, такой вывод вскоре был сделан (Отрошенко, 1996. С.30; 1998. С.56).

Чтобы доказать существование причинно-следственной связи между воздействием Южноуральского очага культурогенеза и происхождением феномена Бабино, на наш взгляд, необходимо аргументировать, как минимум, два положения: 1) культура Бабино должна иметь реальное сходство с культурами – производными от этого очага, в том числе с Синташтой, как культурой-прародительницей (или культурой-катализатором); 2) Синташта, а также другие колесничные культуры-родственницы, должны иметь определенный хронологический приоритет над бабинской, как наиболее удаленной от очага культуро-

генеза. Насколько же эти теоретические положения соотносятся с имеющейся фактической базой?

Нет надобности доказывать, что все культуры, так или иначе связываемые с Волго-Уральским (Южноуральским) очагом культурогенеза, имеет целый спектр ярко выраженных общих черт, среди которых, в первую очередь, выделяют: а) абашевское наследие (или компонент), наиболее отчетливо проявляющееся в керамике и металле (Бочкарев, 1995. С.26; Кузьмина, 1992; Виноградов, 1999; Горбунов, 1992; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. С.92-93; Зданович, Малютина, 1996; и др.); б) комплекс так называемой «субкультуры знати» (воинов-колесничих), отчетливо фиксируемый на уровне погребальной обрядности (Масон, 1994. С.7; Бочкарев, 1995. С.23; Зданович, 1997. С.21-63; Елимахов, 1998. С.21; Отрошенко, 1998. С.56-57; и др.). Оба этих показателя, с некоторым своеобразием сочетаемости признаков, неизменно присутствуют в памятниках Синташты, Потаповки и ДВАК на территории от Южного Урала до Подонья. В Бабино же, которая, по мнению В.В. Отрошенко, продолжает синташтинско-абашевский пласт до Прикарпатья (Отрошенко, 1998. С.56), эти признаки попросту отсутствуют. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить обрядово-инвентарный комплекс восточных культур с бабинской (рис.1-3). Имевшие место попытки поиска синташтинских признаков в культурной среде Бабино (Отрошенко, 1998а. С.115-116) вряд ли можно назвать успешными. В основе этих построений лежит тезис, согласно которому Бабино входит в круг так называемых «колесничных культур», а потому характеризуется присущими им чертами. Какими? Очевидно, речь идет о коллективных подкурганых некрополях, индивидуальных и коллективных склепах колесничих, остатках колесниц, тягловых лошадей, упряжи с псалями, разнообразном вооружении, представленном металлическими наконечниками копий, топорами, кинжалами, колчанными наборами, прочем многочисленном, но устойчиво повторяющемся наборе инвентаря. На поверку оказывается, что из этого большого набора признаков в Бабино имеется лишь один – колчанье наборы, встреченные всего лишь в шести комплексах на более чем 3500 захоронений всего ареала. Детальная источниковедческая критика всех других «колесничных атрибутов» бабинской культуры также не дала позитивных результатов (Литвиненко, 2003; 2004. С.267-278; 2005. С.44-48).

И уж совсем не вписывается культура Бабино в свиту культур абашевского круга по своему материальному комплексу, особенно по таким его культурно-диагностическим составляющим, какими являются набор керамической посуды, изделия из металла и кости (рис.1-3). Думаю, данный факт настолько очевиден, что нет необходимости его доказывать. И общий вывод этот не могут изменить указания на отдельные аналогии между бабинским и абашевско-синташтинскими материальными комплексами (Братченко, 1985. С.455,457; Березанская, 1986. С.30), поскольку аналогии те единичны и порой даже спорны. А значит объединение названных культур в рамках единого блока, пласта или горизонта, тем более в географической протяженности от Урала до Южной Польши, Карпатского бассейна и Балканского полуострова (Lichardus, Vldar, 1996; Отрошенко, 1998. С.56) весьма относи-

тельно и может быть принято с целым рядом оговорок. В частности, я до конца не уверен, что в этот хронологический горизонт следует включать памятники раннего этапа культуры Бабино, абсолютно свободные от каких бы то ни было микенских влияний, относящихся к периоду ВА₂ по II. Рейнеке (Grigoriev, 2002. P.390; Литвиненко, 2004. С.48). Раннебабинские древности корректнее было бы синхронизовать со средневропейским постшнуровым горизонтом, относящимся к поздней фазе периода ВА₁. В Волго-Уралье же к этому времени, возможно и предварительно, следует относить памятники средневожского абашева и вольско-лбищенского типа.

Особое место в решении проблемы культурно-хронологического соотношения бабинской культуры с культурами восточного блока занимают так называемые «поясные пряжки». В настоящий момент продолжает доминировать точка зрения, согласно которой пряжки в культурах Доно-Волго-Уралья появились под влиянием бабинской. Если обобщить аргументацию этого положения, то можно свести ее к трем пунктам: 1) основная область массового распространения этих изделий приходится на ареал бабинской культуры; 2) в восточном направлении, к Дону и Волге, количество находок пряжек существенно уменьшается, а в Зауралье измеряется единицами; 3) в соответствии с типолого-хронологической схемой развития пряжек, построенной не только на основании материалов Бабино, но также ДВАК и покровской срубной культур, для памятников Доно-Волго-Уралья характерны разновидности пряжек, отвечающие поздним горизонтам Бабино (Матвеев, 1996; Литвиненко, 1996; 2001). Попытка синхронизировать двудырчатые пряжки ДВАК с пряжками-кольцами ранней бабинской и представить первые в качестве прототипов поздних разновидностей бабинских пряжек (Отрошенко, 1998. С.56) по сути своей является допущением, не сопровождающимся должной аргументацией, что не дает никаких оснований для пересмотра устоявшейся хронологии пряжек, ибо это привело бы к подрыву самих принципов археологической хронологии, один из которых в свое время был достаточно четко сформулирован самим В.В. Отрошенко: «правильнее было бы предположить одновременное функционирование однотипных вещей в синхронных культурах» (Отрошенко, 1986а. С.148). Впрочем, на этот счет имеются и другие мнения (Сафронов, 1968. С.88-89; Рычков, 1994; Penner, 1998. S.40).

Кстати, именно этого принципа придерживался В.В. Отрошенко при обосновании синхронности Синташты раннему этапу Бабино, когда в качестве датирующей категории изделий автор использовал «бородавчатые рожковые фаянсовые бусы» (Отрошенко, 1994. С.40). Однако следует иметь в виду, что «бородавчатые» и «рожковые» бусы представляют собой две отдельные разновидности, пусть в чем-то и схожие. На наш взгляд, за этим своеобразием кроется и определенное хронологическое различие. В свое время И.Ф. Ковалева, опираясь на бабинское погребение, в котором бородавчатые пронизи и двухрожковые бусы одновременно входили в состав женского гарнитура, высказала предположение о синхронизации обоих типов в рамках I-го стратиграфического горизонта КМК (Ковалева, 1981. С.26). Ныне этот вывод подтверждается еще

ремя комплексами. Но можно ли данное положение распространять на хронологию различных типов украшений с выступами вообще, выводя на межкультурный уровень и делая его универсальным?

Цело в том, что трехбородавчатые бусы не являются характерными для катакомбных памятников, хотя, судя по одной находке в Калмыкии, появляются еще в позднекатакомбное время. Возможно, на это же намекают находки подобных бус в триалетской культуре. Однако наибольшее распространение бусы с тремя выступами получили в последующий, посткатакомбный период, когда они в массовом количестве известны в комплексах гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа и лолинской культуры степного Предкавказья, синхронной культуре Бабино (Магомедов, 1998; Мимоход, 2002). Несмотря на обилие бус с выступами в Кавказском регионе и прилегающих к нему областях, выяснить относительное время бытования известных их разновидностей между собой (бородавчатых пронизей, коротких бородавчатых с четырьмя и тремя выступами, двухрожковых) до сих пор не удалось. Поэтому в литературе даже существует мнение о довольно широком хронологическом диапазоне данного типа украшений и, соответственно, их слабых датировочных возможностях. Впрочем, есть основания надеяться, что определенные позитивные сдвиги в этом направлении все же могут быть достигнуты, в т.ч. благодаря исследованиям памятников финала средней бронзы Степи – бабинских и лолинских. Во всяком случае, имеются пока немногочисленные данные о том, что именно короткие трехрожковые (трехбородавчатые) бусы бытовали несколько дольше, чем бородавчатые пронизы и двухрожковые бусы, доживая при этом до времени, синхронного среднему этапу бабинских древностей. Данное обстоятельство имеет важное значение, поскольку именно трехбородавчатые бусы в большинстве своем представлены в могильниках «колесничных культур»: Синташта, Графские Развалины, Верхняя Алабуга, Кривое Озеро, Каменный Амбар-V, Та-набенген-II, Сторожевка, что, по нашему мнению, может указывать на их несколько более позднюю хронологическую позицию, по отношению к древнейшим комплексам Бабино. Памятники синташтинского круга являются восточной периферией распространения бородавчатых бус, и появление последних в Волго-Уралье, скорее всего, несколько запаздывало, по сравнению с основными районами бытования – Кавказом, Предкавказьем, Нижним Доном и Левобережной Украиной. Дополнительный аргумент в пользу такого предположения дают материалы синташтинского кургана 4 могильника Каменный Амбар-V, где в состав инвентаря погребения 3 одновременно входили трехбородавчатые бусы и круглая костяная пряжка с изогнутым сечением и двумя разновеликими отверстиями – поздняя, в соответствии с типолого-хронологической шкалой пряжек Бабино (Епимахов, 2002. Рис.18).

И, наконец, поскольку одним из важных, если не самым важным, реперов культурно-исторических связей и синхронизации КМК с одной стороны, а Синташты и других колесничных культур – с другой, являются псалии, несколько слов скажем и о них. От пространного анализа данного вопроса меня освобождает то бесспорное обстоятельство, что до сих пор псалии ни разу не были встречены в достоверных (закрытых) комплексах

Бабино (Литвиненко, 2005). Впрочем, не станем безусловно отрицать знакомство бабинских племен с колесницей, поскольку не располагаем на этот счет достаточными положительными или отрицательными свидетельствами. Независимо от решения этого вопроса в дальнейшем, неизменным все же останется тот факт, что феномен Бабино по всем своим археологизированным параметрам абсолютно не вписывается в свиту «культур боевых колесниц» Доно-Волго-Уралья. Если даже предположить, что известные в Северном Причерноморье находки дисковидных псалий, например из Трахтемирово или Богуслава, относились к культурному кругу Бабино, то остается не выясненным весьма принципиальный вопрос: на каком этапе развития культуры они в ней появились. Потому использовать псалии для решения вопроса об относительной хронологии памятников бабинского и синташтинского круга сегодня не представляется возможным.

Подводя итог вышеизложенному, можем констатировать, что 1) определенное сходство памятников синташтинского типа Южноуральского региона и культурного круга Бабино Причерноморья определяется наличием в них общего знаменателя, который можно условно назвать «наследием среднебронзового века»; если генетическая связь Бабино с позднекатакомбным миром, в первую очередь среднедонской (харьковско-воронежской) катакомбной культурой, находит убедительное пространственно-временное обоснование, то некоторая катакомбная (катакомбно-полтавкинская?) "окраска" синташтинских памятников, видоизмененная и дополненная сильным абашевским и каким-то еще не до конца понятным компонентом, по-прежнему остается без объяснения; 2) при фиксации западного (условно катакомбного) элемента, как одного из составляющих в формировании Синташты, напротив, восточный (условно абашевско-синташтинский) компонент в Бабино не прослеживается, что, вероятно, отражает реальное направление культурогенетического импульса конца среднебронзового века – с запада на восток; 3) по общему облику и частным характеристикам ни одна из бабинских культур не вписывается в круг так называемых «культур боевых колесниц» Доно-Волго-Уралья, а потому не может рассматриваться в качестве продукта Волго-Уральского (Южноуральского) очага культурогенеза рубежа средней-поздней бронзы; 4) установить точное хронологическое соотношение Синташты и Бабино, с учетом выделения внутри каждой из них этапов, пока не удастся; вместе с тем, можно достаточно уверенно заключить, что сложение Синташты в Южном Зауралье и появление близких памятников в Поволжье (Потаповка) и Подонье (ДВАК) не могло предшествовать во времени формированию культуры Бабино; напротив, учитывая приводившиеся выше факты, можно допускать незначительный хронологический приоритет Бабино над Синташтой и другими колесничными культурами, однако для окончательных выводов на этот счет данных еще недостаточно и пока можно говорить лишь о том, что ранняя Бабино и Синташта в какой-то части одновременны, тогда как поздние бабинские древности, вероятно, синхронизируются со сменяющей Синташту петровской культурой.

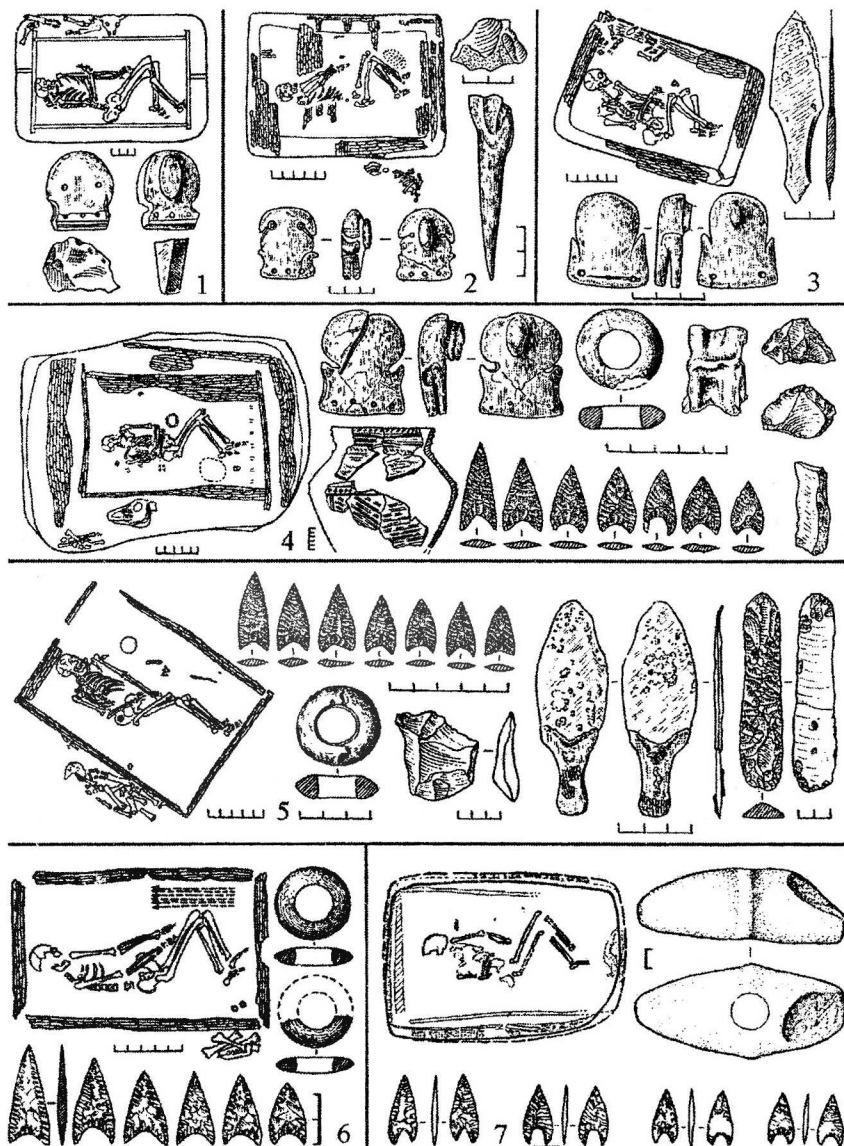

Рис.1. Социально-значимые мужские погребения Днепро-Донской бабинской культуры: 1 – Камышеваха к.5 п.1; 2 – Донецк к.4 п.19; 3 – Александровск к.1 п.4; 4 – Бева могила п.3; 5 – Николаевка к.1 п.8; 6 – Князево к.1 п.5; 7 – Репный-1 к.7 п.10

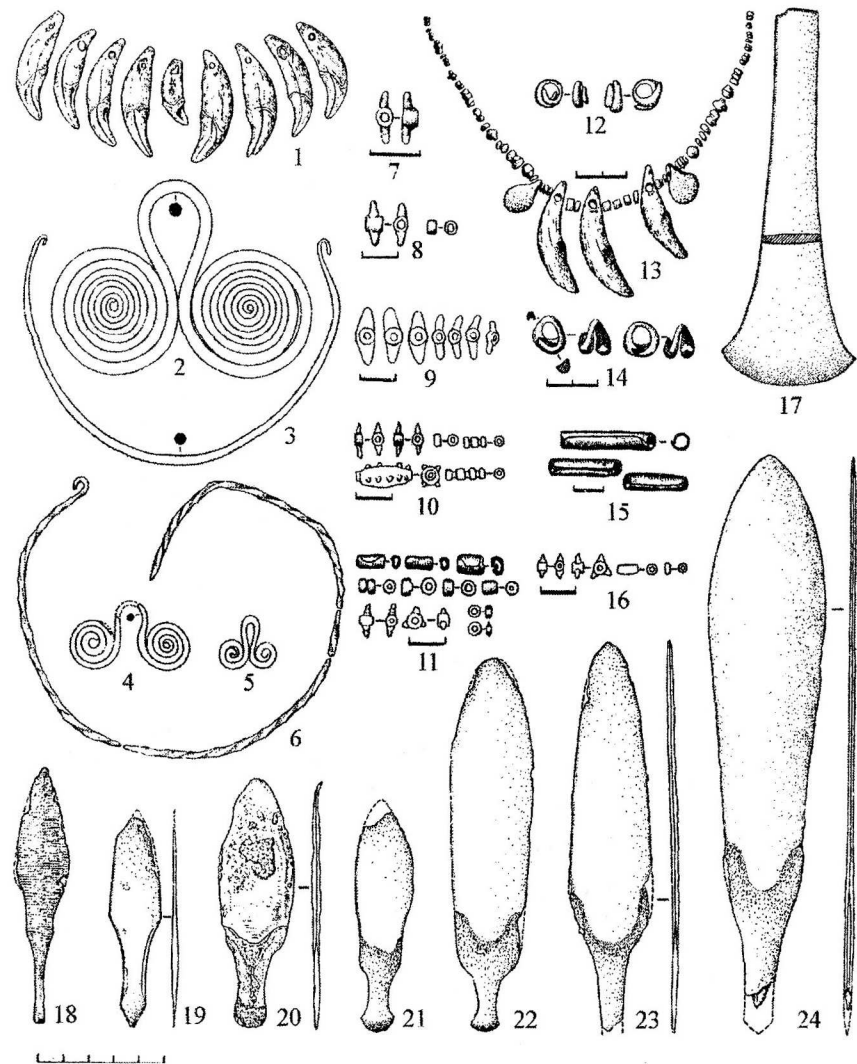

Рис.2. Орудия и украшения из погребений раннего этапа Днепро-Донской бабинской культуры

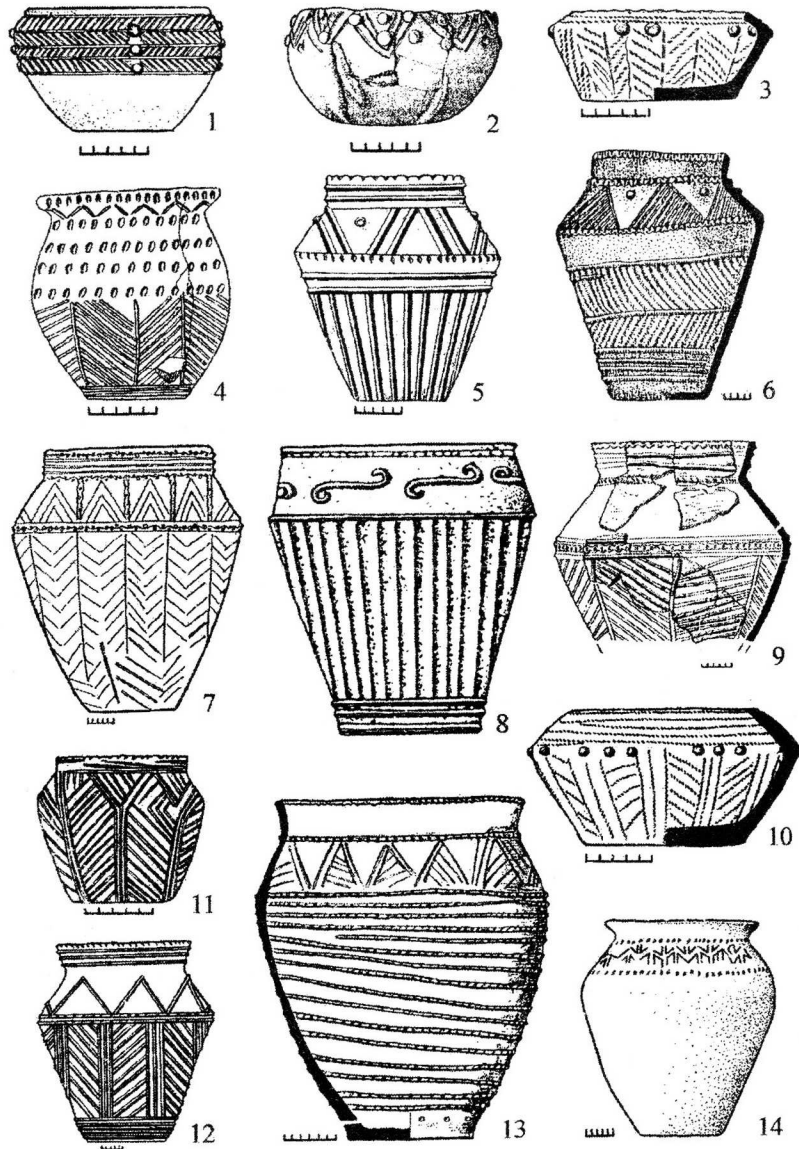

Рис.3. Керамика из могильников раннего этапа Днепро-Донской бабинской культуры

Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики / С.С.Березанская // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы / В.С.Бочкарев // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.

Бочкарев В.С. Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы / В.С.Бочкарев // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Археологические изыскания. Вып.4. СПб., 1993.

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи поздней бронзы / В.С.Бочкарев // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.

Братченко С.Н. Культура многоваликовой керамики / С.Н.Братченко // Археология Украинской ССР. Т.1. К., 1985.

Васильев И.Б., Кузнецов И.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге / И.Б.Васильев, И.Ф.Кузнецов, А.П.Семенова. - Самара, 1994.

Виноградов Н.Б. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье / Н.Б.Виноградов // Вестник Челябинского государственного университета. №1. Челябинск, 1995.

Виноградов Н.Б. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий / Н.Б.Виноградов // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.

Генинг В.Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (По материалам Синташтинского могильника) / В.Ф.Генинг // Новейшие открытия советских археологов. Ч.1. К., 1975.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В.С.Горбунов. - Уфа, 1992.

Григорьев С.А. "Протогородская цивилизация" и реалии синташтинской культуры / С.А.Григорьев // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999.

Дубовская О.Р. Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Пизавья. Археология и краеведение – школе / О.Р.Дубовская. - Донецк, 1985.

Епимахов А.В. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы / А.В.Епимахов // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А.В.Епимахов. - Челябинск, 2002.

Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей / Г.Б.Зданович. - Свердловск, 1988.

Зданович Г.Б., Малютина Т.О. Абашевская культура и синташтинский очаг культурогенеза / Г.Б.Зданович, Т.О.Малютина // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов, 1996.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные квазигородской "основы" культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д.Г.Зданович. - Челябинск, 1997.

Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке / И.Ф.Ковалева. - Днепродзержинск, 1981.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? / Е.Е.Кузьмина. - М., 1994.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье / О.В.Кузьмина. - Самара, 1992.

Литвиненко Р.А. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы / Р.А.Литвиненко // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Ч.2. Воронеж, 1996.

Литвиненко Р.А. О так называемых "поясных пряжках" в памятниках бронзового века Волго-Уралья / Р.А.Литвиненко // Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

Литвиненко Р.А. Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры Днепр-Донского региона / Р.А.Литвиненко // Донецкий археологический сборник. Вып. 10. Донецк, 2002.

Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона / Р.А.Литвиненко // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002а.

Литвиненко Р.А. Южно-Уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи / Р.А.Литвиненко // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003.

Литвиненко Р.А. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения / Р.А.Литвиненко // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вып.2. – Луганск, 2004.

Литвиненко Р.О. До проблеми палив, колісниць і воїнів-колісничих у бабинській культурі / Р.О.Литвиненко // Археологія. 2005. №4.

Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы / Р.Г.Магомедов.- Махачкала, 1998.

Малов Н.М. "Абашевские племена" Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа) / Н.М.Малов // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

Массон В.М. Взаимодействие древних культур и цивилизаций как фактор исторического прогресса / В.М.Массон // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Археологические изыскания. Вып. 11. СПб., 1994.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона / Ю.П.Матвеев // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Ч.1. Воронеж, 1996.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней – поздней бронзы могильника Островной / Р.А.Мимоход // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. Элиста, 2002.

Отрощенко В.В. До уточнення хронології синташтинської культури / В.В.Отрощенко // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. Днепропетровск, 1994.

Отрощенко В.В. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассонарных толчков / В.В.Отрощенко // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Ч.2. Воронеж, 1996.

Отрощенко В.В. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы / В.В.Отрощенко // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж, 1998.

Отрощенко В.В. Феномен кістяних пряжок / В.В.Отрощенко // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье, 1998а.

Писларий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины / И.А.Писларий // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники / А.Д.Пряхин.- Воронеж, 1977.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника / А.Д.Пряхин, В.И.Беседин // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. Рязань, 1996.

Рычков Н.А. О датировке типов вещей / Н.А.Рычков // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. Днепропетровск, 1994.

Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья / Е.Н.Савва.- Кишинев, 1992.

Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада / В.А.Сафронов // Проблемы археологии. Вып.1. Л., 1968.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К.Ф.Смирнов, Е.Е.Кузьмина.- М., 1977.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры. Археологические памятники Оренбуржья / В.В.Ткачев. Вып. II. Оренбург, 1998.

Ткачев В.В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы (по материалам погребальных памятников / В.В.Ткачев // Автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

Черняков И.Т. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза / И.Т.Черняков // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч.1. Донецк, 1996.

Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) / Э.С.Шарафутдинова // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

Grigoriev S.A. Ancient Indo-Europeans / S/A/Grigoriev.- Chelyabinsk, 2002.

Lichardus J., Vldar J. Karpatenbecken – Sintashta – Mykene. Ein Beitrag zur definition der Bronzezeit als historische Epoche / J.Lichardus, J.Vldar // Slovenska archeologia. 1996. XLIV–1.

Litvinenko R.A. The Problem of Chronological Correlation between Sintashta Type and MRC Sites / R.A.Litvinenko // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Vol. 1. Washington, 2002.

Penner S. Schliemanns Schachtgraberrund der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung / S.Penner.- Bonn, 1998.

Н.А. Мажитов (г. Уфа), П.Ф. Кузнецов, И.В. Горащук (г. Самара)

Изделия из кости поселения Таналык в Башкирском Зауралье

Авторы выражают искреннюю признательность М.Ф.Обыденнову, В.И.Мухаметову и Р.Р.Тамимдаровой за помощь при обработке коллекции поселения Таналык. П.Ф.Кузнецов работал при поддержке РГНФ, грант №05-01-26100 а/в

В мае 1995 г. в зоне строительства поселения Таналык, открытого Н.А.Мажитовым, были организованы раскопки комплексными экспедициями БашГУ, БГПИ, ИИЯЛ УНЦ РАН. Поселение Таналык расположено на левом берегу р.Таналык, на расстоянии 1 км. от д. Хворостянка Хайбуллинского района (52 градуса и 100 минут северной широты; 58 градусов и 134 минуты восточной долготы). Территория поселения представляет собой ровную площадку, возвышающуюся над уровнем реки на 3,5 м. Культурный слой памятника ограничен высоким каменистым берегом, образующим холмики и глубокие овраги. Перепад высот коренного берега по отношению к площади поселения составляет 16м. Правый берег реки Таналык напротив поселения –обрывистый. На противоположном берегу исследован Таналыкский I курган.

Общая площадь раскопок Башкирского госуниверситета составила 6500 кв м. Исследованы жилищные комплексы, относящиеся к срубно-алакульскому населению. Были выявлены следы колодцев, медеплавильной печи, очагов, столбовых и хозяйственных ям, а также коллекция находок, состоящая из фрагментов керамики и костей животных.

Основная коллекция керамики поселения относится к срубной культуре с алакульскими чертами. Имеется сравнительно небольшая коллекция керамики петровской и федоровско-бишкульской культуры.